

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 67

„САГА О ФРИТЬОФЕ“ ТЕГНЕРА В РУССКОМ
ПЕРЕВОДЕ Я. ГРОТА

Д. М. Шарыпкин

Поэма «Сага о Фритьофе» (Fritjofs saga), вышедшая отдельным изданием в 1825 г., принесла ее автору, шведскому романтику Эсайасу Тегнеру, мировую славу. Поэма привлекла внимание немецких переводчиков еще тогда, когда ее главы печатались на страницах журнала «Идуна».

Амалия фон Гельвиг (Amalie von Helwig) познакомила Гете со своими переводами отрывков «Саги». Гете нашел их «превосходными» и пожелал прочесть всю поэму целиком. «Здесь древняя, могучая, исполински дикая поэзия, — писал он переводчице, — по неизъяснимому превращению, очаровательно является нам в новом, мечтательно нежном и однако же вовсе не искаженном виде».¹ Некоторое сходство идей и художественных стилей Тегнера и Байрона помогло европейским читателям, знавшим английского поэта, лучше понять и шведского. Уже в 20-х годах «Сагу о Фритьофе» переводят на немецкий, английский и французский языки.²

В России имя Тегнера начинает упоминаться с конца 20-х годов прошлого века. Авторы небольших заметок о шведском поэте используют, главным образом, немецкие источники. В 1828 г. журнал «Атеней» аннотирует одну из академических речей Тегнера. «Сильный и одушевленный голос с Севера!» — восклицает автор аннотации.³ В том же году в «Московском телеграфе» появляется рецензия на перевод Амалии фон Гельвиг (Stuttgart, 1826). По мнению рецензента, переводчице удалось достичь гармонии «между общим тоном каждой песни и метром

¹ Goethes Werke, Weimarer Ausg., 46, 436; перевод цитаты принадлежит Я. Гроту.

² Наиболее полную библиографию этих переводов до 1875 г. см.: Сборник классических иностранных произведений в переводе русских писателей. Под ред. А. Н. Чудинова, 1. Воронеж, 1875, 356—366.

³ «Атеней», 1828, ч. 4, № 14-15, 254.

оной»⁴ Далее следует пересказ содержания поэмы и почти полный прозаический перевод восьмой ее песни. Русские критики знакомятся и с трудом французского историка и путешественника К. Мармье,⁵ немало страниц которого посвящено рассказу о Тегнере и его поэме. В 1838 г. журнал «Сын отечества» публикует перевод отрывка из этой книги под названием «Знакомство с Тегнером».⁶ Три года спустя в журнале «Современник»⁷ печатается перевод биографии Тегнера, сочиненной шведским поэтом Франценом, во многих отношениях идейным антагонистом автора «Саги». В этой биографии, написанной в тоне слащавого панегирика, Тегнер изображен, вопреки истине, благомыслящим профессором-чиновником. Труд этот, однако, знакомил русского читателя и с некоторыми неизвестными ему фактами.

Появляются и новые переводы отрывков из «Саги о Фритьофе» в прозе. «Телескоп»⁸ публикует выполненные с немецкого переводы двух песен поэмы. «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“»⁹ помещают сокращенные переводы двух других отрывков из «Саги». Эти переводы сделаны финном Федором Лангешельдом, видимо, со шведского подлинника.

Скандинавские авторы не пользуются успехом у русских критиков. В. Неустроев преувеличивает, когда пишет, что русские журналы 30—40-х годов XIX в. печатали «серьезные научные исследования по истории скандинавских литератур».¹⁰ Русская литература о Тегнере за 16 лет, с момента выхода в свет его поэмы и до первого полного стихотворного ее перевода, исчерпывается несколькими небольшими рецензиями и посредственными выборочными переводами в прозе. «При виде скандинавского, — сетует в одной из своих статей О. И. Сенковский, — мы всякий раз сожалеем о том, что наши поэты и романисты оставляют нетронутым это богатое поле оригинальной поэзии».¹¹

Однако известные сдвиги в области русско-скандинавских литературных связей все же происходят, особенно в 20—40-х годах XIX в. В 1809 г. Финляндия стала русской провинцией. Значительная группа населения ее больших городов продолжала говорить и писать на шведском языке.¹² Определенная

⁴ «Московский телеграф», 1828, 23, 424.

⁵ К. Marmier. Histoire de la littérature en Danemark et en Suède. Paris, 1829.

⁶ «Сын отечества», 1838, 1, 177—198.

⁷ «Современник», 1841, 91, 52—81; перевод выполнен с оригинала, напечатанного в специальном приложении к английскому изданию поэмы (Stockholm and London, 1839).

⁸ «Телескоп», 1835, 27, 435—464.

⁹ «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1839, 1, 424—425; 2, 129—131.

¹⁰ В. Неустроев. Скандинавские заметки В. Г. Белинского. Сб. «Белинский—историк и теоретик литературы». М.—Л., 1949, 435.

¹¹ «Библиотека для чтения», 1841, 46, 70.

¹² См.: Я. Грот. Гельсингфорс. «Современник», 1840, 16, 118.

часть интеллигенции в Гельсингфорсе и Выборге, владеющей в одинаковой степени финским и шведским языками, учится читать и по-русски. Финляндия становится посредницей между русской и скандинавской культурами. В этой стране издаются книги как русских, так и скандинавских писателей. В 1841 г., например, на русском и шведском языках выходит альманах, в котором приняли участие русские и финляндско-шведские литераторы.¹³

Полный стихотворный перевод «Саги о Фритьофе» на русский язык впервые выполнил Я. К. Грот.¹⁴ В конце 30 — начале 40-х годов Грот на страницах «Современника» и «Библиотеки для чтения» пропагандирует творчество шведских и финских писателей — Рунеберга, Францена, Фредерики Бремер, Леннрота. К переводу поэмы Тегнера Грот обратился не случайно. Литературная позиция переводчика была в то время сравнительно прогрессивной. Грот окончил Царскосельский лицей, где живы были воспоминания о Пушкине и декабристах. «Не надо забывать, — писал Грот в автобиографии, — что мы поступили в лицей только через 9 лет после выпуска Пушкина и Дельвига: предание о них и их товарищах было так еще свежо и не могло не иметь большого влияния на наше умственное развитие...»¹⁵ В совершенстве владея многими иностранными языками, в том числе английским, Грот увлекается Байроном, сделав его «исключительным своим чтением».¹⁶ В 1838 г. он печатает в плетневском «Современнике» (IX, 94—128) свой перевод байроновского «Мазепы», удостоившийся похвалы Жуковского. Тогда же Грот начинает изучать шведский язык. Швед Паули, гимнастическую залу которого посещал переводчик, дал ему стихотворения Рунеберга и выборгское издание «Саги о Фритьофе».¹⁷ Грот «с жаром» принялся читать эту поэму, достал немецкий перевод ее и скоро так увлекся этим произведением, что решил сам перевести его на русский язык.¹⁸ Стихотворный перевод нескольких песен поэмы Грот в 1839 г. показывает Жуковскому. Знаменитый поэт принял переводчика «очень приветливо» и лестно отозвался об его труде. Собираясь за границу, Жуковский захватил с собой рукопись перевода. В Швеции он намерен

¹³ Альманах в память двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета, изданный Я. Гротом. Гельсингфорс, 1842 (Calender till minne av kejserliga Alexanders universitets andra secularfest, utg. av J. Grot, Helsingfors, 1842). О русско-финско-скандинавских литературных связях этого времени см.: Э. Карху. К истории русско-финляндских литературных отношений первой половины XIX в. «Русская литература», 1958, 2, 169—179.

¹⁴ Фритиоф, скандинавский богатырь, поэма Тегнера в русском переводе Я. Грота. Гельсингфорс, 1841.

¹⁵ К биографии Якова Карловича Грота. СПб., 1895, 7.

¹⁶ Там же, 22.

¹⁷ Frithiofs saga av Esaias Tegnér. Wiborg, 1827.

¹⁸ К биографии Якова Карловича Грота, 23.

был лично познакомиться с Тегнером.¹⁹ Внимательно прочитав рукопись, Жуковский выслал ее Плетневу из Венеции с запиской, в которой он просил «передать приложенный манускрипт нашему молодому поэту». Жуковский советовал Гроту «продолжать прекрасный труд свой и не выпускать его из рук, пока его поэтическая совесть не будет совершенно в ладу сама с собой».²⁰ Грот последовал этому совету.

Через год переводчик назначается ординарным профессором истории, языка и литературы России в Гельсингфорсский университет. Переезд в Финляндию благоприятствует работе над переводом. В 1840 г. Грот публикует переведенные им два отрывка из поэмы в «Современнике» (18, 237—246) и «Отечественных записках» (10, 94—99).

В письмах Плетневу Грот подробно рассказывает о своих трудах. Перед переводчиком возникают немалые трудности. В немецких переводах поэмы он не находит нужных комментариев и «для всякой малости» вынужден рыться в книгах.²¹ Много труда требуют предисловие и примечания. Грот стремится придать им «форму популярную, так, чтобы и всякая девочка могла понимать Фритиофа».²² Введение к поэме должно было, по замыслу Грота, включить краткий очерк о быте и мифологии древних скандинавов, о древнесеверной литературе, о Тегнере и его поэме, а также «отчет русского переводчика». Наиболее удобной формой такого вступления оказались «письма» к детской писательнице Александре Осиповне Ишимовой, общей знакомой Грота и Плетнева.

Переводчику удастся достигнуть блестящих результатов. По насыщенности материалом, серьезности затрагиваемых вопросов и простоте изложения предисловие Грота к поэме Тегнера до сих пор может служить образцом научной популяризации. Грот долго и увлеченно работал над его созданием. «Письма к Александре Осиповне перед Фритиофом тогда уже образовались, когда я наперед то же самое три раза написал в ученом виде»,²³ — сообщает Плетневу Грот.

Но особенно упорного и вдохновенного труда потребовал, разумеется, сам перевод. «Едва ли я буду в состоянии что-нибудь другое в жизни сделать с таким пламенным рвением, с каким переводил Фритиофа... — писал Грот в 1845 г. — Тогда Фритиоф и Ингеборга сделались для меня как будто живыми существами; я только ими и жил; мне казалось, что какой-то невидимый гений принимает особенное участие в моей работе

¹⁹ Я. К. Грот. Очерк жизни и поэзии Жуковского. Спб., 1883, 25.—Свидание Жуковского с Тегнером не состоялось. «Тегнера не было в Стокгольме и скальды не встретились», — писал по этому поводу Грот Плетневу (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Спб., 1, 1896, 63).

²⁰ К биографии Якова Карловича Грота, 27.

²¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 1. Спб., 1896, 76.

²² Там же, 1, 134.

²³ Там же, 1, 354.

и что его радует всякая моя победа над трудностями, которые были в самом деле велики, о чем свидетельствуют кипы измаранной бумаги, отчасти сохраненные мною. Одну первую песнь я раз пять переделывал; я помню, как она сначала была груба в моем переводе — это одна из самых трудных частей поэмы. А первоначально я некоторые главы перевел собственно для себя прозою. Несколько раз трудности приводили меня в уныние. Тогда я хотел лучше все перевести прозою; принимался за прозу, но чувствовал, что поэзия подлинника исчезала, и вновь переходил к стихам».²⁴

И работа эта увенчалась успехом. Все 24 песни поэмы Грот перевел размерами оригинала. Переводчику, благодаря его незаурядному таланту, удалось не только передать точный смысл каждого стиха, но и воссоздать поэтичность шведского подлинника. На фоне вольных переложений и посредственных буквалистских переводов того времени труд Грота выделяется своей художественностью и научностью.

Рукопись своего перевода Грот отдает в гельсингфорсскую типографию вдовы Симелиус. Владельцы типографии, заинтересованные в привлечении русских заказчиков, обещают оформить издание «как можно изящнее».²⁵ Шрифты выписываются из Петербурга. По формату издание русского перевода поэмы оказалось копией Выборгской перепечатки оригинала. При назначении форм для печати Грот «отчасти сообразовался» и с «Современником».²⁶

Грот серьезно опасается цензуры. Плетнев выбирает своего относительно либерального коллегу по Петербургскому университету цензора А. В. Никитенко. Хотя Никитенко, судя по его дневнику,²⁷ и не питал особенной симпатии ни к Плетневу, ни к Гроту, однако предпочитал поддерживать с ними деловые и даже товарищеские отношения. Поэма оказалась далеко не такой безобидной, как сначала думал Плетнев. Цензор настороженно изучает ее. «Цензора теперь остервенились, — пишет Плетнев Гроту 26 января 1841 г. — Они даже названия должностей гражданских не пропускают в романах».²⁸ Грот обеспокоенно отвечает ему 2 февраля: «Если Никитенко продержит Фритиофа дольше крайнего по уставу срока, напомните ему о моей рукописи; пора печатать».²⁹

Никитенко все-таки пропустил книгу, и в феврале 1841 г. она вышла в свет. Гельсингфорские критики высоко оценили качество перевода. Рецензент газеты «Helsingfors morgonblad» (15 V 1841, № 39) на удачно подобранных примерах доказы-

²⁴ Там же, 2, 565.

²⁵ Там же, 1, 200.

²⁶ Там же, 1, 249.

²⁷ См.: А. В. Никитенко. Дневник, 1—3, Л., 1955—1956.

²⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 1, 219.

²⁹ Там же, 1, 225.

вает, что поэма переведена великолепно. Вскоре книгу Грота замечает и столичная критика. Наибольший интерес в этом отношении представляет рецензия Белинского. Ей, однако, предшествовали статьи на ту же тему других авторов, замечания которых критик учел. О поэме Тегнера и ее переводе Грота пишут Сенковский, Плетнев, Нестор Кукольник.

Статья Сенковского — не столько рецензия на перевод, сколько рассуждение о необходимости глубже изучать скандинавскую культуру. «Древняя скандинавская литература столь же национальна для нас, как и для обитателей обоих северных полуостровов»,³⁰ — утверждает автор статьи. О поэме и ее переводе критик может сказать только самые общие вещи. Перевод, пишет он, «отличается особенной верностью», это хороший подарок русской публике, который «наша литература должна принять с благодарностью».³¹

Плетнев, который, судя по его письмам Гроту, поэмы не понял, славословит труд своего товарища из дружеских чувств. «Грот украсил нашу литературу прекрасным переводом Фритиофа, — не скупится на комплименты критик. — Можно предсказать, что появление Фритиофа в русском переводе произведет в движении нашей литературы замечательный оборот».³² Грот был огорчен несвоевременным и нескромным выступлением своего друга. «Как можно тебе вздуматься писать, и еще так рано, о Фритиофе? — спрашивает он Плетнева. — Хоть я и очень умею ценить дружбу, но этого не могу одобрить».³³ «Видно, что твоя статья написана сердцем, а не умом»,³⁴ — с мягкой иронией говорит Грот в другом письме. Несколько более сдержанная и обстоятельная статья Плетнева на ту же тему появилась в следующем, 23 томе, «Современника» (стр. 46—49).

Рецензия Кукольника — это разнос и поэмы Тегнера и ее русского перевода. Реакционная критика, не в пример умеренно-консервативной, сумела уловить основное, «вольнолюбивое», по выражению Белинского, направление поэмы. По мнению Кукольника, поэма Тегнера «нравственно бесполезна».³⁵ Поэме недостает «глубины, или, лучше сказать, глубокомыслия и верности в ходе страстей».³⁶ «Впрочем, всякая народная поэзия имеет свойства поэзии поддельной для других племен», — обобщает рецензент. Но особенно достается переводчику. Труд Грота похож на «притчи Сумарокова по слогу»,³⁷

³⁰ «Библиотека для чтения», 1841, 46, отд. «Литературная летопись», 72.

³¹ Там же, 80.

³² «Современник», 22, отд. «Новая русская литература», 26—27.

³³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 1, 358.

³⁴ Там же, 1, 365.

³⁵ «Русский вестник», 1841, 8, 403.

³⁶ Там же, 416.

³⁷ Там же, 411.

все в нем «как-то не клеится, не ловко»,³⁸ «во всем переводе конца нет этим неровностям слога, буграм, рытвинам, оврагам языка... И в каком переводе? На который употреблено три года совестливого, прилежного труда...»³⁹ Рецензент не утруждает себя доказательствами. «Мне кажется, что поэтических переводов не должно быть и быть не может, — заключает Кукольник. — К чему же эти поэтические переводы? Похищение, заимствование, как угодно называйте, но только не переводы. В литературном смысле подобные произведения представляют всегда что-то недоконченное, вялое, ни то, ни се; в историческом смысле совершенно бесполезны; в экономическом потеря времени...»⁴⁰

Белинский счел возможным ответить Кукольнику. На народность литературы и на значение поэтического перевода взгляды Белинского и Кукольника, разумеется, были диаметрально противоположными. В своей рецензии на перевод Грота Белинский специально излагает свое мнение по этим вопросам: «Фритиоф, несмотря на свою народность, общедоступен, понятен и в высшей степени интересен для всякой публики и на всяком языке, если передан хоть так хорошо, как передал его на русский язык г. Грот. Причина этому — общечеловеческое содержание и самый характер скандинавской народности».⁴¹

Эстетические воззрения Грота и Белинского существенно расходились. Грот был склонен идеализировать «патриархальность» и «честность» консервативной финско-шведской беллетристики, противопоставляя ее «продажным» русским журналам. Белинский, мало знакомый с прогрессивной финской и шведской литературой, подчас очень резко критиковал подобные выступления Грота, а заодно и пропагандируемые им произведения. Так возникла, например, полемика между Белинским и Гротом по поводу романа Фредерики Бремер «Семейные радости и огорчения» (*Familjen N****).⁴² Грот впоследствии раскаивался в своем «темпераментном» выступлении в защиту Бремер и называл его «выходкой».⁴³ В данном случае Белинский не мог не поддержать переводчика поэмы, проникнутой «бурным, гордым вольнолюбием».⁴⁴ «Все дело в идее, — пишет Белинский, обосновывая свою позицию, — чем общее идея, тем родственнее духу человеческому форма, выразившая ее. А какая же идея общее, человечнее, родственнее всем векам

³⁸ Там же, 413.

³⁹ Там же, 426.

⁴⁰ Там же, 424—425.

⁴¹ [В. Г. Белинский]. Фритиоф, скандинавский богатырь, поэма Тегнера в Русском (?) переводе Я. Грота. Гельсингфорс, 1841. «Отечественные записки», 27, 1841, отд. «Библиографическая хроника», 41.

⁴² См. комментарий: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., 8, М., 1955, 661.

⁴³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 2, 489.

⁴⁴ «Отечественные записки», 1841, 46.

и народам, как не идея правды, любви и всего, чем гордится человечество».⁴⁵

Критик, предъявлявший очень жесткие требования к художественному переводу, будь то буквальный, точный перевод или свободное поэтическое переложение, высоко оценил труд Грота. «Что касается до достоинства перевода, нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота как переводчика, — пишет Белинский. — Он умел сохранить колорит скандинавской поэзии подлинника, и поэтому в его переводе есть жизнь: а это уже великая заслуга в деле такого рода».⁴⁶ Далее Белинский отмечает, что «некоторые песни переведены превосходно».

Критик чрезвычайно благожелателен к Гроту. Даже его упреки больше напоминают комплименты, чем критические замечания: «Жаль только, что между прекрасными стихами у него нередко попадаются стихи прозаические, неточные в выражении, а от того и темнота. Может быть, это происходит и от желания быть как можно вернее смыслу подлинника: в таком случае мы самые недостатки готовы принять за достоинства...»⁴⁷

Рецензия Белинского привела в замешательство друзей Грота, видевших в критике своего идейного противника. «Он (Белинский, — Д. Ш.) хвалит и перевод, но как-то сквозь зубы, — раздраженно пишет Гроту Плетнев, — от того, что, во-1-х, переводчик не из их друзей, а во-2-х, что они не могут никаких указаний сделать на подлинник. Итак, тебе из их замечаний ровно нечем воспользоваться».⁴⁸ Грот иначе отнесся к рецензии Белинского. «„Отечественные записки“ всегда меня очень хвалили, — заявляет он Плетневу несколько позже, — более, нежели какой-либо другой журнал. Они отозвались с большой похвалой о „Фритиофе“ и потом называли прекрасными все статьи мои о Финляндии».⁴⁹ По совету Белинского Грот внес в перевод существенные исправления. Это видно по второму изданию его труда, появившемуся через 34 года.⁵⁰ В самом заглавии поэмы Грот называет Фритьофа уже не

⁴⁵ «Отечественные записки», 1841, 41.

⁴⁶ Там же, 47.—При опубликовании статьи Белинского Краевский допустил ошибку, повторенную всеми полными собраниями сочинений критика. Слово «Русский» в названии статьи «Поэма Тегнера в Русском переводе...» — он дал со строчной буквы, однако оставил вопросительный знак Белинского после этого слова. В результате непонятно, почему Белинский и хвалит перевод и в то же время иронически сомневается, «русский» ли он. На самом деле вопросительный знак после слова «Русский» означает лишь осуждение неправильной орфографии гельсингфорсского издания. «В типографском отношении книжка г. Грота могла бы назваться изящной, если бы не была неприятно для глаза и без всякой нужды испещрена заглавными буквами» (там же).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 1, 377.

⁴⁹ Там же, 2, 489.

⁵⁰ Сборник классических иностранных произведений в переводах русских писателей. Под ред. А. Н. Чудинова, 1, Воронеж, 1875, 200—366.

«богатырем», а «витязем», в соответствии с пожеланием Белинского, которому слово «богатырь» показалось неудачной русификацией. Перерабатывая перевод, Грот исправил «темные» по смыслу строки, грешащие дурным буквализмом или насыщенные архаизмами.

Например, стихи первого издания:

Пусть мощь врата отчизны, как страж, блюдет,
и за оградой верной пусть мир цветет...⁵¹

(Тегнер: Пусть сила будет стражем врат страны, а за оградой цветет мир)

во втором звучат так:

Пусть будет сила стражем земли родной
И мир за неприступной цветет стеной...

Строки первого издания (II, 45—46)

О Гельг, в чертогах боги живут горе,
Но так ли, как улитка в своем жилье?

(Тегнер: Боги, Хельге, благоденствуют в Дисарсале, но не как улитка в раковине)

во второй редакции исправлены следующим образом:

Живут во храме боги; но так ли в нем
Им тесно, как улитке в жилье своем?

Неудачные строки первого издания (II, 49—50):

Порою лжив закланый жрецом сокол,
И лжив порой стоящий на дсках глагол...

(Тегнер: Легкие принесенного в жертву сокола довольно обманчивы, а многие руны, вырезанные на балках — лживы...)

во втором издании удачны и поэтичны:

Сокол окровавленный бывает лжив,
Не всякий знак в скрижалях, о Гелг, правдив...

Неточные, общие слова во второй редакции перевода заменены более конкретными и точными. Например, в стихах первого издания (VI, 1—2).

Бьерн и Фритиоф за игрою
Пред богатою доскою...

во втором издании переводчик заменил только одно слово

Бьерн и Фритиоф за игрою
Перед шахматной доскою...

⁵¹ Песнь II, стихи 33—34.—Далее также римской цифрой указана песнь, арабской — стихи.

благодаря чему добился желаемого результата. Во втором издании перевода Грот увеличил число подстрочных примечаний. Дополнил он и свое предисловие, которое в воронежском издании называется «Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов». В том же сборнике Грот опубликовал свой перевод древнеисландской «Саги о Фритиофе Смелом» (Fridþjófs saga íns ígækna), сюжет которой лег в основу поэмы Тегнера.

Третье издание «Фритиофа, скандинавского витязя» было осуществлено сыном академика, К. Я. Гротом, уже после смерти переводчика.⁵² По свидетельству редактора, Я. К. Грот работал над переводом и над примечаниями к нему до самой смерти. Комментарии к поэме в этом издании, по сравнению со вторым, немного расширены.

Современники оценили труд Грота. По его переводу русские читатели на протяжении почти столетия знакомились с творчеством Тегнера.

Успех Грота воодушевил и других литераторов и педагогов, не обладавших, к сожалению, ни его знаниями, ни талантом. Уже в 1845 г. появляется самостоятельный анонимный перевод отрывков из поэмы.⁵³ Это — малограмотное переложение нескольких песен «Саги» в прозе и стихах. Плетнев справедливо оценил эту работу, как «только опыты изучения шведского языка».⁵⁴

Через несколько десятилетий детский писатель В. П. Авенариус включает в один из своих сборников пересказ содержания поэмы Тегнера по переводу Грота.⁵⁵ Автор выпустил много «мифологических сравнений» и «картин бытовой обстановки норманов»,⁵⁶ оставшиеся же «картины» безбожно русифицировал. «Добрые молодцы» викинги, услаждаемые «скальдами-загусельниками», пируют у него в «королевской столовой».

За изданием для юношества последовало издание для народа.⁵⁷ Эта переработка безграмотнее всех предыдущих. Даже весьма нетребовательный рецензент «Русской мысли», которому нравится пересказ Авенариуса, замечает, что П. Борисов «не умеет не только переделывать, но и просто писать».⁵⁸

Популяризаторы не забывают и об учащих. Вскоре

⁵² Фритиоф, скандинавский витязь, поэма Тегнера. С шведского перевел Яков Грот. Спб., 1898.

⁵³ Избранные места из поэм «Владимир Великий», соч. Стагнелиуса и «Фритиоф-сага», соч. Тегнера, со шведского И. Ш-ий, М., 1845.

⁵⁴ П. А. Плетнев. Новые переводы. «Современник», 10, 1845, 100.

⁵⁵ В. П. Авенариус. Васильки и колосья. Рассказы и очерки для юношества. Спб., 1892, 281—305; переиздано в 1895 и 1901 гг.

⁵⁶ Там же, 284.

⁵⁷ Фритиоф. Изложение П. Борисова, М., 1895.

⁵⁸ «Русская мысль», 1895, 8, 408.

публикуется адаптированный немецкий перевод поэмы.⁵⁹ На труд этот редактора вдохновила «несложность фабулы, совершенно доступной уже пониманию воспитанников средних классов».⁶⁰ В отличие от этих последних, Р. Гретман не понял поэмы, ибо «смягчил или же совсем опустил те места, которые . . . по своей грубости и дикости могли бы иметь вредное влияние на восприимчивые души юных читателей».⁶¹

После Октябрьской революции в России начинается огромная работа по изданию классических произведений мировой литературы. «Сага о Фритьофе» Тегнера тоже, естественно, привлекает внимание переводчиков. Полный стихотворный перевод поэмы, выполненный Б. Ю. Айхенвальдом и А. И. Смирницким, вышел в 1935 г.⁶² Новому переводу предшествует большая вступительная статья академика Г. Г. Александрова, которая по объему вдвое превосходит предисловие Грота. В конце книги, кроме весьма обширных комментариев, напечатана «Сага о Фритьофе Смелом» в переводе Грота, «просмотренном» А. И. Смирницким.

В предисловии Г. Г. Александров пишет, что, по его мнению, перевод Грота «совершенно устарел».⁶³ Перевод этот, «стараясь быть как можно более точным, не передает всего аромата поэтического творчества крупнейшего шведского поэта, да и сам язык Грота отяжеляет ритмическую легкость „Саги о Фритьофе”».⁶⁴ Далее сообщается, что «глубокие мысли Тегнера» удалось «в прекрасном русском переводе» передать Б. Айхенвальду и А. Смирницкому.⁶⁵ Грот, пишут переводчики в послесловии, «не всегда достаточно бережно относится к образу. Так, в 8-й песни Фритьоф называет Ингеборг то «Сестрой Хельге», то „дочерью Беле” . . . Грот сохраняет „сестру Хельге”, но выпускает „дочь Беле”».⁶⁶ Это не совсем так. В 8-й песни Грота мы читаем: «Дочь Бела, ты моя благая Норна. . .» (420).

Благодаря той критике, которой подвергли работу Грота Б. Ю. Айхенвальд и А. И. Смирницкий, перевод их ныне принято считать «более талантливый»,⁶⁷ чем гротовский.

Сравним старый и новый перевод шестой песни. Это — одна из наиболее интересных, и в то же время трудных для переводчика частей поэмы.

⁵⁹ Сказание о Фритиофе по Исаяи Тегнеру на немецком языке, обработал и снабдил словарем Р. Гретман. М., 1895; переиздано в 1909 г.

⁶⁰ Там же, V.

⁶¹ Там же, V—VI.

⁶² Эсайас Тегнер. Сага о Фритьофе. М.—Л., Academia, 1935.

⁶³ Там же, 63.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, 64.

⁶⁶ Там же, 312.

⁶⁷ Вл. Матусевич. Новое издание «Саги о Фритьофе». «Иностранная литература», 1961, 2, 266.

Стихи 1—4 (Тегнер: Бьерн и Фритьоф сидели за сверкающей шахматной доской, одна клетка которой — серебряная, другая — золотая).

Грот

Новый перевод

Бьерн и Фритьоф за игрою
Перед шахматной доскою:
Блещет клетчатое поле
Жаром злата и сребра.

Бьерн и Фритьоф, сидя в зале,
Утром в шахматы играли;
И за клеткой золотую
Блещет клетка сребра.

Гротом переданы образы оригинала. Мы видим викингов, сидящих за сверкающей, «горящей» золотом и серебром шахматной доской. Оригинал лаконичен: викинги играют в шахматы; шахматная доска сверкает золотом и серебром. В новом же переводе читателю сообщаются такие подробности: «Бьерн и Фритьоф, *сидя в зале, Утром* в шахматы играли...» Четыре лишних слова не только искажают образ, но и вытесняют никак здесь не переданное, но крайне необходимое определение к слову «доска» (*schackbord, skönt att skåda*), т. е. красивая шахматная доска. В результате стихи 3-й и 4-й в новом переводе логически не связаны с двумя предыдущими. О точном смысле четверостишия можно лишь догадаться.

Стихи 5—8 (Тегнер: В это время вошел Хильдинг: «Садись на почетное место, опустоши рог свой и дай мне доиграть, дорогой пестун»).

Грот

Новый перевод

Хильдинг входит к ним. «Садися,
Милый пестун! Освежися
Медом ты и жди, доколе
Не окончится игра!»

Входит Хильдинг: «Рад я чести!
На почетном сядешь месте.
Полный рог перед тобою —
Скоро кончится игра».

Перевод Грота лучше передает колорит поэзии Тегнера. В новом переводе стих «обезличен». За внешней «гладкостью» его кроется смысловая неточность. В оригинале Фритьоф обращается к своему воспитателю — «дорогой воспитатель» (*fostefader huld*); у Грота — «милый пестун». Переводчики издания *Academia* вообще опускают обращение. В результате не совсем ясно, кто к кому обращается.

Стихи 9—12 (Тегнер: Хильдинг молвил: я пришел к тебе с мольбами от сыновей Беле. Дурные вести, и надежды страны — на тебя).

Грот

Новый перевод

Хильдинг: «Бела сыновьями
Прислан я к тебе с мольбами.
Злые вести — ополчися!
Ты надежда нам одна».

«Послан Беле я сынами,
Прихожу к тебе с мольбами.
Злая весть страну тревожит,
На тебя глядит она».

И эти строки у Грота переведены точнее, чем у Айхенвальда и Смирницкого. Гротовское «ополчися» — интересная находка. Новый перевод стилистически неграмотен: «Послан Беле я сынами, *прихожу* к тебе с мольбами». В одиннадцатом и двенадцатом стихах местоимение «она» может относиться в равной степени и к «вести», и к «стране». Новый перевод анемичен,

ему недостает энергии и лаконизма оригинала. Кроме того, переводчики издания *Academia* по-прежнему опускают обращение, переведенное Гротом. Недоумевающий читатель с полным основанием может приписать реплики Хильдинга, например, Бьерну.

Стихи 13—16 (Тегнер: Фритьоф сказал: «Берегись, Бьерн, ибо король в опасности. Он может спастись, пожертвовав пешкой, — на то она и создана, чтобы ею жертвовать»).

Грот

Новый перевод

Фритьоф Бьерну: «Осторожно!
Твой король в беде; но можно,
Пешку выставив, спастись:
Жертвой пешка быть должна».

«Будь на страже неустанной,
Бьерн, король — в беде нежданной,
Но спастись он пешкой может:
Пешка жертвой быть должна».

Гротовское «осторожно» (перевод шведского фразеологизма *tag dig till vaka* — „берегись“) энергично и лучше передает интонацию подлинника, чем длинное и анемичное «будь на страже неустанной». В интерпретации новых переводчиков чеканный стих Тегнера приобретает какую-то почти бальмонтскую напевность: «Будь на страже неустанной, Бьерн, король — в беде нежданной...» И читатель по-прежнему пребывает в неведении относительно того, кто с кем беседует.

Стихи 17—20 (Тегнер: «Фритьоф, не дразни конунгов. Орлята сильны; хотя они слабее Ринга, сила их превосходит твою»).

Грот

Новый перевод

«Фритьоф! Грозны властелины:
Не буди ты гнев орлиный;
Силой Ринг их превосходит,
Но они тебя сильнее».

«Не дразни орлят напрасно:
Спорить с силою опасно.
Войско их пред Рингом скудно,
Но сильнее твоих бойцов».

Перевод Грота точен. Властелины — это конунги (*kungar*). Перевод Айхенвальда и Смирницкого хуже. Каких орлят, кому и кем не рекомендуется дразнить понапрасну — совершенно непонятно, ибо переводчики «опустили» обращение «Фритьоф» и, вместо точного перевода 18-го стиха, напомнили читателю о том, что «спорить с силою опасно».

Стихи 21—24 (Тегнер: «Бьерн, я вижу, ты угрожаешь туре, но твое нападение я легко отражу. Турой тебе трудно будет овладеть, ее защищают главные силы»).

Грот

Новый перевод

«Бьерн, ты башни хочешь, знаю —
И отпор приготавлию.
В сень щитов она уходит;
Не легко подступишь к ней».

«Вижу, Бьерн, грозишь ты башне.
Нападение мне не страшно.
К башне, Бьерн, пробраться трудно
За ограду из щитов».

Игры слов шведского оригинала (*tornet* ‘тура’ и ‘башня’, т. е. имеется в виду дом Фритьофа) не передают ни Грот, ни новые переводчики. В стилистическом отношении стихи Айхен-

вальда и Смирницкого хуже стихов Грота. Если переводчики обычно пренебрегают обращениями, то здесь их целых два. Музыкальнейшему шведскому поэту приписывают они, кроме того, такую шипящую строку: «За ограду из щитов» (ср. Грот: «В сень щитов она уходит»).

Стихи 25—28 (Тегнер: «Ингеборг в храме Бальдера плачет дни и ночи. Неужели она, плакальщица с синими глазами, не увлечет тебя в борьбу?»).

Грот

Новый перевод

«Ингеборга молодая
В храме дни ведет, рыдая.
Иль тебя не манят к спору
Очи синие в слезах?»

«В роще Бальдера, рыдая,
Вянет Ингборг молодая.
Ради слез голубоокой
Ты не дашь отпор врагам?»

Не совсем удачное, но точное гротовское «дни ведет, рыдая», Айхенвальд и Смирницкий заменяют совсем неудачным «вянет Ингборг молодая». Грот пишет: «очи синие в слезах» — очень хорошо, поэтично, точно. У Айхенвальда и Смирницкого Ингеборг «голубоокая».

Стихи 29—32 (Тегнер: «За королевой, Бьерн, ты тщетно охотишься, она мне дорога с детства. Она главная фигура в игре; как бы там ни было, она будет спасена»).

Грот

Новый перевод

«Бьерн, напрасно ферзь тревожишь:
Разлучить ты нас не можешь.
Вижу в ней игры опору:
Нет, ее не сгубит враг».

«Бьерн, стараешься напрасно:
С детства я пленен прекрасной.
Пусть судьба к другим жестока —
Королеву не отдам».

У Грота — ярко выраженное и не бесплодное стремление воспроизвести игру слов оригинала: «Разлучить ты нас не можешь, вижу в ней игры опору». Она это ферзь, Ингеборг. Перевод Грота, если и не точен буквально, то верен. «Вижу в ней игры опору — нет, ее не сгубит враг». Айхенвальд и Смирницкий тоже пытаются передать игру слов, зато не передают главного смысла тегнеровых стихов. Они не переводят 31-й, несущий основную смысловую нагрузку, стих (у Грота — «вижу в ней игры опору», т. е. «она», ферзь, Ингеборг — главная фигура всей «игры»). Вместо этого переводчики пишут: «Пусть судьба к другим жестока (?)».

Стихи 33—36 (Тегнер: «Фритьоф, ты не хочешь отвечать? Неужели твой пестун должен уехать от тебя невыслушанным, в то время как ты забавляешься игрой в бирюльки» — букв. «игрой в куклы»).

Грот

Новый перевод

«Фритьоф! Что ж, в ответ ни слова?
Так ты пестуна седого
Без вниманья отпускаешь,
Забываясь над игрой?»

«Фритьоф, занят ты игрою?
И, не выслушан тобою,
Прочь уйду? Ты не желаешь
Волю мне сказать свою?»

Грот хорошо переводит рассказ Тегнера о гневе Хильдинга. Уместно определение «седой». Тегнеров Хильдинг спрашивает:

«Фритьоф, ты не хочешь отвечать?» Все очень просто и лаконично, ни одного лишнего слова. У Грота: «Фритьоф! Что ж, в ответ ни слова?». У Айхенвальда и Смирницкого — ничего не значащий риторический вопрос: «Фритьоф, занят ты игрою?» Грот отлично передает эту, полную динамики, драматическую сцену: оскорбленный «седой пестун» Хильдинг собирается покинуть своего невежливого воспитанника Фритьофа. Айхенвальд и Смирницкий заставляют Хильдинга декламировать, создавая почти пародию на псевдоклассическую трагедию: «Фритьоф! Занят ты игрою? И, не выслушан тобою, Прочь уйду?».

Стихи 36—40 (Тегнер: Тогда Фритьоф встал и взял Хильдинга за руку: «Отец, я уже ответил, ты слышал мое решение»).

Грот

Фритьоф тут воскликнул, вставши
И у старца руку взявши:
«Мой ответ, отец! Ты знаешь:
Не молчал я пред тобою».

Новый перевод

Фритьоф вымолвил, вставая,
Руку Хильдинга сжимая:
«Мой ответ, отец, ты знаешь,
Слышал волю ты мою».

Грот точнее передал интонацию и смысл оригинала, чем переводчики издания Academia. Фритьоф у Грота «воскликает», как и должен поступить человек с темпераментом этого викинга, а в новом переводе он только «молвит».

Стихи 41—44 (Тегнер: «Скачи к сыновьям Беле, запомнив, что я говорю: они оскорбили мою честь, ничто меня с ними не связывает, никогда не буду их слугой»).

Грот

«Возвратись к пославшим с вестью,
Что не создан я к бесчестью;
Не ступлю за них ни шагу:
Их слугой не буду я».

Новый перевод

«Возвратись же к братьям ныне:
Оскорблен я их гордыней,
С ними нас союз не свяжет,
Их слугой не буду я!».

Оба перевода почти равноценны. Грот все-таки несколько логичнее и точнее.

Стихи 45—48 (Тегнер: «Хорошо, иди своим путем, я не могу осуждать твоего гнева. Один да ведет к лучшему», — сказал Хильдинг и ушел).

Грот

«Так иди ж стезей своею,
Я твой гнев хулить не смею.
Да Один ведет ко благу!»
Молвил Гильдинг, уходя.

Новый перевод

«Так иди стезей своею,
Осудить твой гнев не смею.
Один лучшее укажет», —
Молвил Хильдинг, уходя.

45 и 48 стихи Айхенвальд и Смирницкий заимствуют у Грота. Гротовская строка «Я твой гнев хулить не смею» все же, пожалуй, лучше фразы: «Осудить твой гнев не смею». Даже 47 стих переведен у Грота совершенно точно, чего нельзя сказать о новом переводе.

Таким образом, песнь VI лучше переведена именно Гротом, а не Айхенвальдом и Смирницким.

То же можно сказать и об обоих переводах в целом. В переводе Айхенвальда и Смирницкого больше беспомощных слов «уж», «же», «ведь» и прочих, чем у Грота: «Когда зимы *уж* минул срок, весна *же* дремлет безмятежно» (I, 10—11); «И каждый *уж* заране махал мечом своим» (XI, 43—44); «Не хмель в златом бокале, веселье *лишь* одно» (XI, 267—268); «Сестру продавший *ведь* в храме бога» (XI, 215) и т. д.

Если размер все-таки не выходит, переводчики издания Academia вписывают в строку какое-нибудь лишнее определение или обстоятельство. Образы Тегнера от этого отнюдь не выигрывают.

Новый перевод

Грот (точнее)

И розу, *чуждую печали* (?) И с ним цвела не роза в поле,
Прекрасной Ингеборг назвали (I, 19) А Ингеборга, краше роз.

(Тегнер: Что же касается розы в зеленых долинах, то ее звали прекрасной Ингеборг).

Новый перевод (I, 135)

Грот (точнее и понятнее)

Дочь Беле — *дева молодая* (?) Родитель девы — конунг Бел.

(Тегнер: Дева — дочь конунга Беле).

Новый перевод (IV, 7—8)

Грот

Но сын героя Но Фритиоф с тоскою
В дубраве бродит, *лишен покоя* (?) Все по лесу бродит, любуясь луною.

(Тегнер: Но сын героя (т. е. именно Фритиоф, — Д. Ш.) все бродит по лесу и смотрит на луну).

Новый перевод (XII, 48)

Грот

Эллида скачет, как лань *весною* (!) Как лань лесная, она резвится.

(Тегнер: Она резвится, как лань по траве).

Новый перевод (XIII, 21—22)

Грот

Голос бледнея, король узнал — Бледен стал конунг; Голос тот
Бури осенней напевы Он узнал мгновенно...

(Тегнер: Побледнел конунг, слишком хорошо знал он этот голос — т. е. конунг слышит довольно грубый окрик Фритиофа, меньше всего напоминающий «напевы»).

Новый перевод (XVI, 59)

Грот

Помнишь, повешен был Хагбарт Помнишь, как Гагбарт повешен был?
младой (?)

(Тегнер: Помнишь, как Хагбарта повесили на дереве?) и т. п.

Грот, подготавливая второе издание перевода, безжалостно вычеркивал ненужные архаизмы. В новом переводе архаизмов не меньше, чем у Грота: «Черные были крыла с каймою алой...» (III, 171); «Ах, не тоскует ветрило...» (IX, 7); «Лишь конунг властный достоин дщери Вальхаллы ясной...» (IV, 102—103); «Как счастлив я на брег вступаю!» (VII, 41); «С устами алыми младая Вала!» (VIII, 424) — ср. у Жуков-

бокале, Веселье лишь одно» (XI, 265—268); «И дева смотрит с утеса вдаль, И сердце верной томит печаль» (XII, 17—18) и т. д. Восьмую песнь переводчики начинают явным подражанием Модесту Чайковскому (чего избегнул Бродский, последний переводчик поэмы): «Уж близок день, а Фритьофа все нет!» (ср. арию Лизы из «Пиковой дамы»: «Уж полночь близится, а Германа все нет»). В некоторых же случаях переводчики сочиняют политический плакат: «Все Севера народы О той борьбе поют» (XI, 95—96).

Многие строки нового перевода совсем нельзя назвать стихами. Например: «Цветы лесные я лобзаю, что тропку узкую пестрят!» (VII, 42—43); «Я счастлив в Валхаллу подняться, когда б Валькирьей ты была» (VII, 79—80); «Любовь моя — ровесница со мной...» (VIII — 45) и пр.

Наконец, рифмы в новом переводе самые банальные, затертые: мѳря — просторе, подруга — друга, вино — одно, даль — печаль, доволен — волен, полный — волны... и так без конца.

Таков был перевод, которым хотели заменить работу Грота. Он не передал ни образов Тегнера, ни поэтичности «Саги». «Прекрасным» его назвать нельзя. Этот труд следует скорее отнести к числу неудачных русских переводов Тегнера.

Совсем недавно вышел новый перевод поэмы, выполненный Д. Бродским. Это интересное поэтическое произведение, которому присущи, наряду с большими недостатками, и несомненные достоинства. Переводчик учел опыт предшественников, в особенности Грота. Он пытается, и в большинстве случаев успешно, дать действительно новый, и притом современный перевод. Это весьма трудно, так как у Грота во многих случаях найдены единственно возможные еще и в наше время русские эквиваленты шведскому оригиналу. Так, если в седьмой песни (57—60) Грот, стремясь как можно лучше передать лиричнейшие строки Тегнера, подражает Пушкину (ср. «Я помню чудное мгновенье»):

Я не тужу: сбылось желанье!
Передо мной сама она,
Прекрасна, будто упованье,
Как память детских дней, верна.

то Д. Бродский волей-неволей следует за Гротом:

Пускай! Ведь в месячном сиянье
Сама передо мной она,
Прекрасная, как упованье,
Как сердце детское, верна.

Приведенные стихи Бродского слабее не только потому, что они неоригинальны. Они неточны и по смыслу. Ведь если память детских дней никогда не изменит, то «сердце детское» — символ непостоянства. У Тегнера — «верна, как память детства» (*trogen som ett barndomsminne*). В тех случаях, когда переводчик

идет по стопам Айхенвальда и Смирницкого, в его работе появляются такие строки:

Фритьоф с Бьерном, *не печалься* (?!),
Утром в шахматы *сражались* (!).

Частные просчеты не обесценивают этот труд. Работа эта— один из этапов к созданию поистине современного перевода «Саги».

На этом история русских переводов поэмы Тегнера не закончится. Появятся новые работы. Эти переводы окажутся удачными лишь в том случае, если скандинавская культура у нас будет изучаться много интенсивнее, чем прежде.

TEGNÉRS "FRITHIOFS SAGA" I J. GROTHS
RYSKA ÖVERSÄTTNING

D. M. Sjarypkin

I denna artikel berättas om hur Groths ryska översättning av Tegnér's "Frithiofs saga" kommit till och göres en jämförande analys av denna översättning och V. J. Eichenwalds och A. I. Smirnit-skijs översättning. Denna analys visar, att Groths översättning, som var resultat av ett ihärdigt och entusiastiskt arbete, förblir oöverträffad, trots att den utkom i sin första upplaga för mer än hundra år sedan.
